

Масато наблюдал за тем, как Юкико уходила, несколько раз оглядываясь. Что касается Кахору, то, взглянув на мужчину всего один раз, он поддерживал девушку и величественным шагом направлялся к главному дому. Как и всегда, спокоен и собран, даже не скажешь, что ребенок.

... Сензаки решил, что может со спокойной душой оставить Юкико на Кахору.

Трудно получить больше информации из уст юной госпожи, потому что она что-то пытается скрыть. Однако если бы за дело принялся мальчик, то, даже не спрашивая ее, наверняка, выудил бы какие-нибудь факты. Не могло быть и речи о том, чтобы Кахору не получил никакой информации из жестов, поведения или внешнего вида Юкико. Приходится полагаться лишь на наблюдательность, но Масато не мог войти в комнату юной леди, да еще и имеющей жениха, и постоянно пялиться на нее. Такой ребенок, как Кахору больше подходит для этого. Он не вызовет никакого недопонимания. Конечно, Сензаки не скинет все на мальчика. Мужчина просто займется сбором другой информации.

Масато повернулся к стоявшей Симе и улыбнулся своей особенной улыбкой.

— Сима-сан, не могли бы вы показать мне чайную, где произошел инцидент?

— Д-да...

Сима с покрасневшими щеками привела детектива в комнату в японской стиле, примерно в четыре с половиной татами (7,4 м²), находившуюся в самом конце. Именно здесь произошел первый инцидент. Говорят, что пытались задушить шнурком от кимоно. По центру стоял камин, ниша со старинным свитком и дверной проем. Эта комната, со вкусом отделанная натуральным деревом и бамбуком, находилась дальше всех от основной резиденции, поэтому часто пустовала.

Оказавшись внутри, Масато стал осматривать тускло освещенное помещение. Потолок низкий, одна его половина – плоская вровень с полом, а другая – наклонена, с которой видна конструкция чердака. Сензаки, рост которого превышал шесть футов, приходилось наклоняться в месте с плоским потолком, но он мог выпрямиться в месте с наклоном. Изящные бревенчатые столбы, балки и стропила были цвета янтаря. Вдруг мужчина заметил, что на одной из стропил есть след, будто об него что-то терлось. Были также участки, где отслоилась поверхность некоторых потолочных панелей вокруг стропил.

Масато позвал Симу, стоящую у входа в чайную.

— Сима-сан, я слышал, что вы нашли Юкико-сан... где она лежала?

— А... Думаю, где-то там...

Хотя служанка была сбита с толку, но указала на место, где стоял детектив.

— Как лежала? На спине или на животе? Сколько раз был обмотан шнурок вокруг шеи? Дверь была заперта? Какого цвета было кимоно на убежавшем?

Сима точно отвечала на быстрые вопросы Масато, хотя и заикалась в середине каждого из них. Закончив с расспросом, мужчина поблагодарил ее.

— Спасибо за точные ответы. У вас прекрасная память.

— Нет, как же...

Сима обеими руками теребила фартук, а ее щеки заливал румянец. Масато заметил, что кончик пальца левой руки служанки покраснел. На ум пришел второй случай с ядом на расческе.

— Возможно, что покраснение вызвано тем, что там застрял зубец расчески?

— А...

Сима попыталась спрятать руку, но Сензаки быстро схватил ее и произнес: «Прошу прощения». Кончик безымянного пальца левой руки, тонкий и белый. По краю аккуратно выровненного ногтя имеется шрам красновато-черного цвета, хотя отек, похоже, уменьшился. Это определенно та служанка, которая стала жертвой яда вместо Юкико.

— ...Должно быть, больно.

Когда он нежно погладил кончики ее пальцев и внимательно посмотрел в лицо, щеки Симы покраснели еще сильнее.

— Н-нет. Это не так уж и важно.

Сима качает головой, но Масато все же решил спросить, что произошло, когда зубья расчески пронзили палец. Как только служанка попыталась расчесать волосы Юкико расческой, которую она оставила на подставке у зеркала, ее зубцы случайно задели ноготь. Некоторые зубья расчески были остроконечными и покрыты каким-то химическим веществом, вызвавшим сыпь. Сима сказала, что отек держался около двух дней.

— Повезло, что все обошлось. Как только подумаю, что юная госпожа могла пострадать...

Ее выражение лица омрачилось. Затем она прижалась к груди Масато. В воздухе разливался слабый аромат белого порошка и духов.

— Эм, вы же детектив, верно? Пожалуйста, поймайте побыстрее преступника и спасите госпожу. Ее жизнь в опасности. Прошу.

— ... Да, разумеется. Обязательно найдем того, кто напал на Юкико-сан.

Сима с облегчением улыбнулась.

□□□

Сима вернулась в главный дом, потому что у нее были дела, а Масато остался ждать в чайной комнате возвращение Кахору.

— Привет, с Юкико-сан все в порядке?

— Да, она сейчас отдыхает в своей комнате. ...Раз я ее провожал, то также смог и осмотреть комнату.

Похоже, Кахору правильно понял намерения Масато. Учитывая, что местом второго инцидента

(расческа испачканная ядом) была комната Юкико, мальчик пришел к тому же выводу, что и мужчина. Однако, Кахору, вероятно, сделал бы это и без указки Сензаки. Все-таки прошлое происшествие в особняке Золотой птицы было раскрыт благодаря наблюдательности этого ребенка.

— Комната не запирается, так что можно входить и выходить, когда заблагорассудится. Любой мог подложить расческу с ядом, пока Юкико-сан отсутствовала. Однако ее комната находится в уединенной части особняка, и за ней присматривают слуги, так что постороннему человеку было бы сложно совершить преступление.

Кахору рассказал обо всем бесстрастно и задумчиво.

— Что же еще такого... Ах, да, книжная полка. Там были поэтические сборники Гете и Гейне, пьесы Шекспира, книги по философии Платона, по западному этикету... на английских и немецких языках. Она довольно талантлива, как и говорят слухи. А еще имеет оригиналы сказок братьев Гримм, Перро и Андерсена. Она читает их с детства, чтобы выучить язык.

— ... Тебе очень нравятся книги, не так ли?

— Да... Ну, меня больше беспокоит тот факт, что при таком хорошем собрании книг, было и пустое место.

— Пустое?

Собираясь задать вопрос, Масато внезапно заметил что-то странное. Обычное улыбающееся выражение лица Кахору, вдруг стало несколько напряженным.

— Кахору-кун? Что случилось?

— ... Запах белого порошка и духов.

— А, понятно. От Симы-сан исходит такой же запах. Интересно, почему он чувствуется в комнате?

— ...

Глаза Кахору сужаются. Укоризненный взгляд и белые морщинки между бровями заставили Сензаки замереть. Мальчик редко проявляет эмоции, а еще реже негативные. Его что-то беспокоило... Может быть, Кахору подумал о недобросовестности Масато? Мужчина криво усмехнулся над своим детским воображением и привередливостью.

— Нет, пожалуйста, не пойми неправильно. Ничего такого не было. Она просто просила помочь юной госпоже.

— Вот как.

Во взгляде Кахору была легкая строгость, но он кротко сказал: «Извините».

— Кстати, про пустое место...

Как раз в тот момент, когда Масато собирался задать вопрос, снаружи чайной комнаты раздался голос.

— Вы уже закончили расследование?

Вернувшись в пристройку Канаэ, заглянула в чайную. Женщина смотрела довольно жестоким взглядом.

— Юкико-сан вам что-нибудь рассказала? Что-нибудь еще узнали?

Сензаки поспешил ответил Канаэ:

— Сама Юкико-сан сказала, что мало что помнит об этом инциденте. Однако, учитывая обстоятельства, лучше всего предположить, что преступник находится внутри этого дома. Служанка, которая нашла Юкико-сан сказала, что видела беглеца. Судя по всему, женщину.

— ... Вы же не хотите сказать, что я преступник?

— Нет, мы так не думаем.

Чтобы выйти из этой чайной комнаты и дойти до веранды следует приложить немало усилий. Было бы гораздо менее заметно выйти в сад через дверь, которая ведет непосредственно на улицу, и скрыться, спрятавшись среди деревьев. Даже если бы и попался кому, то не факт, что приняли бы за преступника. Либо этот человек специально хотел попасться на глаза служанке, либо...

Как только Масато опроверг это, то лицо Канаэ потеряло все добрые краски, словно она вот-вот выйдет из себя. Однако когда Сензаки добавил «либо», ее лицо изменилось.

— Госпожа Сираиси, разве вы не знаете, кто преступник?

— ...

Глаза Канаэ расширились, а затем она отвела взгляд.

<http://tl.rulate.ru/book/83529/3616774>